

27 МАЯ 1973

В позапрошлом номере «Неделя» открыла рубрику «Вечерняя жизнь», посвященную свободному времени, культурному и творческому досугу. Сегодня слово — знаменитому в прошлом конферансье и режиссеру эстрадных театров Алексею Григорьевичу Алексееву. Он известен созданием многих «маленьких театров», кочующих эстрадных трупп, и делится с читателями «Недели» мыслями по организации вечернего досуга, своеобразных «театров на дому».

Я УВИДЕЛ Алексева первый раз на обложке его книжки. Глянцевый супер, на нем — крупно шарж: стоит человек, чуть согнувшись, в черном фраке, гамашах, со слегка издевательской (так, наверное, и подобает конферансье) улыбочкой. Книга называлась «Серьезное и смешное». Алексей Григорьевич рассказывает о своей работе на эстраде, о «шестидесяти годах на сцене». И вот он передо мной — в кресле, по-спортivamente подтянутый (а ему уже 86), подавшись вперед, весь — внимание. Овальное лицо, крупный нос, узкие, с острым прищуром глаза.

Напоминая Алексею Григорьевичу о теме разговора.

— Вы меня представляли скорее все-го как конферансье, — начинает рассказ А. Алексеев, — в книге я выступаю в основном в этом качестве. И давайте-ка, чтобы мои рассуждения о «театре малых форм» не выглядели голословными, позволим себе немного истории. Это будет из своего рода визитная карточка нового собеседника вашей рубрики.

Итак, дело было в Одессе. В 1909 году. Зрелище, что должно было состояться, именовалось на иностранный лад «Кабаре Бибабо». Бибабо — имя смешных кукол, которых надевали, как перчатку, на руку, и, когда артист двигал пальцами, они оживали... В один из таких вечеров я, молодой человек во фраке, с расчесанной на прямой пробор шевелюрой и кругленьким стеклышком-

ЗАХОДИТЕ, БУДЕМ ЖДАТЬ!

моноклем в глазу, появился на подмостках.

Первый репертуар был примитивным — два-три куплетиста, певичка (она же танцовщица), фокусник, акробат и шарманщик. Руководил театром я.

Мой брат, в то время учившийся в Германии, рассказал как-то о кабаре «Симплициссимус» в Мюнхене. В этом театре, когда зрители уже сидят на местах, с краю зала, в проходе, появляется старичок в сверкающем золоченом мундире. Он садится где-то около сцены и весь спектакль комментирует на свой стариковский манер — иронизирует, критикует, отпускает разные насмешки — ворчит, что называется. Естественно, конферансье обязан все время парировать его натиск. В конце концов старик становится центром спектакля. Мне эта затея понравилась, и я немедленно внедрил ее у нас. Стал театр наподобие немецкого «Симплициссимуса»...

Тогда я ясно понял, к примеру, что конферансье — это не просто балагур-весельчак, что острит да острит себе почем зря. Это профессионал в самом высоком смысле слова: в нем должно быть идеальное сочетание актерской техники, общей эрудиции, воистину высокой культуры. Я понял, что стиль конферансье должен определять стиль и лицо театра, а чтобы это стало реальным, надо сочетать в себе воедино, кроме вышесказанного, и качества режиссера, и, желательно, даже писателя.

Не правда ли, к таким исполнителям зритель неизмеримо взыскательнее, чем к актеру в большом ансамбле, которого он видит на большой сцене, на большом расстоянии? Кто заметит шероховатость на большой глянцевой вазе, отлитой из фарфора? Однако маленькая трещина на

крошечной миниатюре сразу режет глаз досадным браком...

Я бы сравнил восприятие хорошего актера в маленькой аудитории с восприятием хорошей акварели, где в каждом прозрачном мазке — живая плоть души художника, трепет и... истина. В нашем театре непревзойденным мастером такой миниатюры, виртуозом актерской техники был Владимир Хенкин. Вот уж поистине «актер тысячи лиц». Вот пример: его интермедия.

Вбегает маленький человек в смокинге. Один. Декораций никаких. Через несколько минут сцена заполняется паром, и сквозь него вы уже видите множество раздетых людей — южную баню. Любители попариться кричат, фыркают, плещают друг в друга холодной водой, поскальзываются, хлопают друг друга по обнаженным чреслам, барахтаются в пару, снова визжат, и все это он, один человек — Владимир Хенкин.

Я работал в те годы еще в нескольких театрах — «Бродячая собака», «Кривой Джимми»... Они отличались кое-чем, но общее у них было одно — энтузиазм труппы и желание во что бы то ни стало дать зрителям радость от общения с настоящим искусством, помочь им сбросить усталость, набраться сил, отдохнуть. Это-то, я думаю, и должно руководить нынешними «домашними театрами».

Действительно, ни одно от случая к случаю посещение Дома культуры или кинотеатра, кафе или танцзала не может так обогатить человека, как соучастие в создании спектакля и радость премьеры в кругу друзей... Думаю, это неоспоримо.

У сообщества людей, занятых искусством, есть особое свойство быстрого духовного и, я бы сказал, возрастного единения. То, что ты, инженер, и твой товарищ, врач, играете в одной пьесе с

рабочими и искусствоведами, делает вас в полном смысле равными в приобщении к искусству.

Итак, ставьте спектакли! Семьями, компаниями, студиями при домоуправлениях, микрорайонах, клубах. Помещение? Ну, если не актовый зал в школе, не квартира кого-либо из студийцев, то любой из подвалов!

Я сейчас руковожу «Союзом ветеранов сцены» в ЦДРИ. Там время от времени устраивают вечера. Нет, не спектакли, а просто вечера, когда все собираются за чашкой чая или бокалом вина и говорят о жизни, читают стихи, поют. У нас нет лекций, вообще нет выступлений перед микрофоном. Стоят столы (те, кто живет в Москве, возможно, знают Каминный зал ЦДРИ), сидим мы, участники вечера, у каждого на тарелке бутерброд, чашка чая. Отдыхаем. Не помню случая, чтобы кто-либо испытывал хоть тень неловкости на таких, как мы их называем, «посиделках». А знаете в чем дело? Люди приходят побыть друг с другом в свое удовольствие, отдохнуть самому и скинуть лишку усталости с плеч соседа. О чем только не говорят! Гости переходят от столика к столику, находят общие знакомые, празднуют дни рождения, вспоминаются истории удачной актерской жизни, тут же возникают ансамбли, целые хоры... Легко и приятно. Это не микротеатр, но чем не форма отдыха? Такие клубы, кабачки, уютные компании — называйте их как угодно — можно устроить в подвале любого дома. А как много надоедливых доминошников или фланирующих без дела исчезнет со двора!

Итак, «микротеатр» на дому, «посиделки». Играйте, заходите в гости.

Беседу вел С. КАРТАШЕВ.

Приложение к «Известиям» № 107

С. МОСЛОВА